

М. Г. Кондратьев

**«Рукопись представляет огромный интерес»:
музыкальное наследие Тимофея Парамонова**

Аннотация

Статья посвящена жизни и творчеству Т. П. Парамонова (1895—1988), чей вклад в национальную культуру Чувашии XX столетия несомненен и значителен, но, к сожалению, имя его сегодня малоизвестно. Обладая незаурядными способностями, он проявлял себя разносторонне: как автор хоровых произведений и критических статей, учитель, руководитель детских хоров, создатель учебников по чувашскому языку, музыкант-фольклорист, общественно активный человек. Жизненный путь Т. П. Парамонова — яркий пример перманентного преодоления выходящем из социальных «низов» российской, позже советской, «инородческой» глубинки множества препятствий. Реализовать творческие способности Парамонову в молодости помешало участие в двух войнах — первой мировой и Гражданской. В годы сталинских репрессий он провел десять лет в заключении и семь в ссылке. В 1957 году он реабилитирован. Несколько его произведений вошли в репертуар современных хоров. Непреходящую ценность среди его рукописей представляют собой нотные записи чувашских народных песен и наигрышей. В настоящее время они подготовлены к изданию.

Ключевые слова: Тимофей Парамонов, чувашская народная песня, хоровые произведения, национальная культура, репрессии

М. G. Kondratyev

«The manuscript is of great interest»: Timofei Paramonov's Musical Legacy

Abstract

The article is devoted to the life and work of T. P. Paramonov (1895—1988), whose contribution to the national culture of Chuvash Republic of the twentieth century is very significant beyond doubt. Unfortunately, his name is little known today. With exceptional abilities, he showed himself to be versatile: as the author of choral works and critical essays, teacher, director of children's choruses, creator of textbooks in the Chuvash language, musician-folklorist, socially active person. Life of T. P. Paramonov is a vivid example of how a person of the lowest social class of Russian and later Soviet ethnic province struggled with circumstances. The World War I and the Civil War prevented T. P. Paramonov from realization of his creative abilities in his young age. In the years of Stalinist repression, he spent ten years in prison and seven in exile. In 1957 he was rehabilitated. Several of his works are included in repertoire of contemporary choruses. Sheet music of Chuvash folk songs and tunes recorded by T. P. Paramonov have intrinsic value among his manuscripts. They are now ready for publication.

Key words: Timofei Paramonov, Chuvash folk songs, choral works, national culture, repression

Вклад Тимофея Парамоновича Парамонова (1895—1988) в культуру Чувашии XX столетия несомненен и значителен, но, к сожалению, имя его сегодня малоизвестно. Знакомство с творческим наследием позволяет говорить о Парамоно-

ве как одном из талантливейших сыновей чувашского народа. Столь же несомненно, что он — один из тех, кто не реализовал себя с той степенью глубины и широты, на которые был способен. Причины этого связаны с вторжениями в его судьбу непредвиденных и, как правило, не зависящих от него обстоятельств, мешавших или полностью останавливавших художественные и интеллектуальные занятия.

Тимофей Парамонович проявлял себя разносторонне: как автор хоровых произведений и критических статей, учитель, руководитель детских хоров, создатель учебников по чувашскому языку, музыкант-фольклорист, общественно активный человек. Его статьи в периодической печати и ныне способны привлечь внимание незаурядностью мысли и выразительностью языка. Таково, например, появившееся в печати в 1928 году письмо в редакцию «Размышления после концертов» с предложением художникам, скульпторам, кинороботникам запечатлеть искусство Федора Павлова — выдающегося современника, руководителя чувашского хора. Ибо, утверждает автор, словами невозможно описать его «...дирижерскую силу, это надо видеть собственными глазами, чтобы понять, чтобы дошло до души и сердца... Это следует делать не для того, чтобы почитать Павлова, а для того, чтобы вооружить его выразительными средствами будущих чувашских музыкантов и дирижеров». Статья эта, как и некоторые другие выступления в печати, подписана лишь инициалами — его скромность, возможно, проистекала из сознания собственной незаурядности и была неотъемлемым свойством его личности.

С количественной стороны наследие Парамонова сравнительно невелико: сохранился десяток рукописных партитур для хора, дошли до наших дней и некоторые песни для детских коллективов. Но наиболее многочисленными — несколько сотен — среди рукописей Парамонова оказались нотные записи чувашских народных песен и наигрышей.

Весьма содержательны также его воспоминания, написанные в связи со столетием Симбирской чувашской учительской школы и переданные им в архив в конце 1968 года. К сожалению, многие его рукописи, упоминаемые в разных источниках, утеряны. В печать же попали лишь несколько нотных записей, которые вошли в коллективный труд «146 песен, записанных от Гавриила Федорова С. Максимовым, Ф. Павловым, В. Воробьевым и Т. Парамоновым» (Чебоксары : М., 1934).

Однако современниками-специалистами, работавшими в Чувашии, музыкальная деятельность Т. П. Парамонова ценилась достаточно высоко. Так, о нем как творчески проявившем себя гармонизаторе чувашских народных песен упоминает в 1926-м году Федор Павлов, ставя его один ряд со Степаном Максимовым, Василием Воробьевым и другими выдающимися личностями национального музыкального искусства. Он же пишет и о фольклорных рукописях, полагая совершенно естественным увидеть их изданными: «Т. П. Парамонов... записывал песни, как сам об этом рассказывает, в „натуральной обстановке“, т. е., например, свадебные песни записывал на свадьбе, пирушечные — на пирушках, песни улаха — на улахах и т. д. Собрание песен в „натуральной обстановке“ — чрезвычайно важное обстоятельство в работе собирателя. На местах, в жизни деревни, наблюдается резкое изменение и перерождение быта: семейного, общественного, хозяйственного и пр. Задача собирателя — записать, фотографически точно зафиксировать это изменение. Читатели вправе надеяться, что автором цитируемого сборника будет опубликовано и описание того быта, в обстановке которого записаны песни. <...> Общее количество записанных мелодий 428, считая в том числе и инструментальные мотивы...»¹. Вывод Павлова красноречив: «Рукопись Т. П. Парамонова как по содержанию, так и по количеству собранного музыкального и словесного материала, представляет без-

условно огромный интерес для этнографа, фольклориста, музыканта». Еще через пару лет анонимный автор обзорной статьи в «Чувашском календаре» напоминает, что Парамонов еще в 1914—1915 гг. одним из первых начал заниматься гармонизацией чувашских народных песен². А в 1933 году, познакомившись с композиторскими опытами Тимофея Парамоновича, музыковед и пианист Иосиф Люблин в своей статье выделил их среди современных опусов: «...в некоторых из этих работ (сочинения Парамонова) наблюдаются иногда довольно оригинальные творческие приемы»³. Незаурядность природного дарования Парамонова, даже не «ограниченного» консерваторским образованием, была очевидна. Художественный уровень некоторых его обработок — выдающийся для своего времени. Обращаясь к фольклорным образцам разных жанров — хороводным, игровым, застольным-обрядовым, он в совершенной форме воплотил дух чувашской народной песни. В частности, первым из музыкантов обратил внимание на пласт обрядовой лирики, связанной с обычаями земледельцев, оценил его содержательность и значимость в духовной культуре чувашского народа. В таких песнях воплощаются представления об основных ценностях жизни. Под стать глубокой содержательности стихов и выразительные мелодии, характер которых и пытается передать Парамонов. Тем самым он предвосхитил появление в 1929-м году хора «Алран кайми» («Ака-суха юрри»), созданного на основе народных песен Степаном Максимовым, возвысившегося в современной культуре до положения национального символа.

Наиболее высоко авторитет Тимофея Парамоновича поднялся к началу 1930-х годов, когда он сотрудничал со своим наставником по Симбирской чувашской учительской школе С. М. Максимовым. Выдающийся деятель музыкальной культуры и образования Чувашии, Степан Максимович держал бывшего ученика в поле зрения как творчески способ-

ного педагога и перспективного специалиста. Именно он в 1928 году пригласил Парамонова из районного центра в Чебоксары для работы в музыкальной школе и, затем, с 1929 г. в открытом им же Музыкально-театральном техникуме. Тогда же Парамонов включился в работу по записи народных песен, исполняемых уникальным певцом-самородком Г. Ф. Федоровым. Он записал 32 песни, часть которых опубликована в сборнике 1934 г. (№ 104—118). И, наконец, одновременно с композиторами С. М. Максимовым, В. П. Воробьевым, Г. Г. Лисковым, певцами М. И. Ильиным и А. И. Токсиной музыкант-фольклорист Тимофей Парамонов удостоился почетного звания заслуженного деятеля искусств Чувашской АССР. Произошло это, несомненно, тоже «с подачи» Максимова, в связи с десятилетием Чувашского государственного хора и пятилетием Музыкально-театрального техникума в 1934 году. Однако к этому времени Тимофей Парамонович уже не раз в своем творческом развитии сталкивался с препятствиями, чем далее, тем более осложнявшими дальнейшую судьбу.

Родился Тимофей Парамонов 13 июня 1895 г. в д. Латышево Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Янтиковского района Чувашии). Семья вела свою родословную от первых поселенцев этого места. Отец его, Парамон Трофимович — «маломощный крестьянин» (по выражению самого Т. П.), считал себя потомком 8-го поколения рода Мемедея. В 1902—1907 гг. Тимофей учился в школе грамоты в родной деревне. В 1909 окончил Яншихово-Норвашское 2-хклассное училище и поступил в Симбирскую чувашскую учительскую школу (СЧУШ). Здесь он пел в смешанном хоре (составлявшемся из лучших певцов учебных мужского и женского хоров), играл в симфоническом оркестре партию вторых, потом — первых скрипок, делая немалые успехи в музыкальных занятиях, а

благодаря природным данным — безупречно писал музыкальные диктанты.

Заметим, что в истории этого уникального центра национальной культуры и образования наступил период, который сам ее руководитель И. Я. Яковлев считал самым тяжелым периодом в своей деятельности. Сказывалось очередное ужесточение «инородческой» политики. Если в сентябре 1909 года всем вновь поступившим воспитанникам школы бесплатно раздавали сборник «Образцы мотивов чувашских народных песен», изданный в 1908 году, то в 1912 году тираж нового (второго) сборника чувашских народных песен был задержан цензурой и пролежал на складе до 1914 года. Тогда же был изъят из употребления чувашский букварь. В последующие шесть лет учебы, как вспоминает Парамонов, на классных занятиях «не было разучено ни одной чувашской песни, не было услышано из уст преподавателей ни одной чувашской фразы...».

Но все это не помешало зарождению в голове пятнадцатилетнего воспитанника Парамонова мыслей о ценности родной культуры, нуждавшейся во внимании и работе, в том числе и его собственной. Он сразу же попробовал записывать народные песни, слышанные им в родной деревне. В первые летние каникулы (1910) были записаны 12 песен. Во вторые их стало 32. Под впечатлением опубликованных в 1908 году поэмы Константина Иванова «Нарспи» и баллады Михаила Федорова «Арсури» («Леший») воспитанник пробует складывать стихи, даже письма родителям пишет в стихотворной форме. Весной 1911 года в стихотворении «Пахчара» он «легким летящим анапестом» описывает цветение яблок. В 1913—1914 гг. сочиняет поэму о бедном юноше. Тогда же знакомство с классическими хоровыми произведениями на музыкальных занятиях, исполнение в школе первого сочинения национальной музыки — хоровой обработки «Пищё, пищён сырлашан» («За неспелой ягодкой») И. М. Дмит-

риева, рождает у него желание услышать знакомые народные песни в 2-х–3-хголосном изложении, и в 1912—1913 годах он начинает самостоятельно их гармонизировать для хора. В конце 1914 г. учитель музыки С. М. Максимов разрешил Парамонову организовать вокальный ансамбль, в котором участвовали одноклассники Парамонова. Коллектив этот был создан Парамоновым с целью исполнения его собственных музыкальных опытов: четырех гармонизаций чувашских народных песен. После концерта, рассказывает Парамонов, «сослазники были в восторге и поздравляли меня. Ф. П. Павлов... крепко пожал мне руку». Максимов отметил деталь одной из партитур как «первый / в истории чувашской музыки скачок / на дециму большую и октаву — очень смелый! — / скачок из тоники в конце мелодии чувашской / в высокое, свободное искусство»⁴. Однако этот вполне успешный творческий дебют исторически знакового характера — один из самых первых опытов музыкальной композиции в национальной культуре — не получил непосредственного продолжения: произошел первый крупный «сбой» в судьбе Парамонова.

Произошел первый крупный «сбой» в судьбе Тимофея Парамонова. Россия вступила в Первую мировую войну. В числе других воспитанников старшего класса школы, в самом конце 1914 года он был мобилизован в действующую армию. В начале 1915 г. он оканчивает Киевскую школу прапорщиков, и направляется в составе 119 пехотного Коломенского полка на Румынский фронт. Много позже в своих автобиографических записках уже многожды умудренный жизненными коллизиями бывший «враг народа» умалчивает о том, что его армейская служба сама по себе была вполне успешной — в апреле 1917 он уже подпоручик и награжден орденом Св. Станислава третьей степени. Описывая перипетии своей биографии, он сосредоточивается на другом: «В это время я записал несколько песен: румынских (8), польских, но

они не сохранились из-за войны. В декабре из Бухареста под давлением войск противника мы отступили, на левый берег реки (Сэрэцел), где 3 апреля 1917 г. перед братанием солдат я сыграл на скрипке революционную песню „Варшавянку“, песню Вебера „Эхо“, мелодии хорватских, азербайджанских, болгарских, сербских, украинских, румынских песен. Но всех участников братания быстро перевели в другой глубокий фронт. Я 25 мая был арестован за участие в братании. Из-за контузии мне пришлось лечиться в госпитале, после поправки 23 февраля 1918 г. я демобилизовался».

Теперь он возвращается учителем в школу деревни Латышево. На уроках пения зазвучали сочиненные им чувашские детские песни. Кроме того, во время полугодового отпуска после госпиталя учитель Парамонов помогает землякам: организует потребительскую кооперацию в Латышеве, участвует в разделе земельных наделов. В сентябре Симбирский военкомат вновь призвал его, теперь уже в командиром роты 2-го Петроградского стрелкового полка 5-й армии (теперь уже РККА). «Но из-за болезни меня отпустили в отпуск, и я поступил работать в Поваркасинскую школу первой ступени Цивильского уезда. В этой школе я записал 66 песен», — сообщает он. 25 июля 1920 года Парамонов, тем не менее, выехал на Врангелевский фронт в составе 543 отдельной полевой радиостанции. И лишь 30 мая 1921 г. он, наконец, окончательно демобилизован. Таким образом, семь лет жизни учителя-словесника, сочинителя музыкальных произведений были отданы исполнению воинских обязанностей на фронтах двух войн — Первой мировой и Гражданской.

Однако особо значительной потерей этих лет стала пропажа рукописей 1909—1914 годов — серьезная потеря не только для Парамонова, но, глядя на историю зарождения национального музыкального искусства, и для всей чувашской культуры. Ее можно назвать вторым «сбоем» в его творческом развитии. По рассказу Тимофея Парамоновича, ситуа-

ция складывалась так: «Мои же 32 песни в папке и среди них 10 партитур, романтическая поэма на чувашском языке, стихотворение на чувашском и русском языках были сложены в папку и 29 апреля 1915 г. сданы, по уходу на войну, заведующему музея Симбирской школы преподавателю В. Н. Орлову. Но кто-то в его квартире похитил их, оставив только одну солдатскую песню, которую и вынес в папке Виктор Никифорович 17 сентября 1917 г. мне, прибывшему из Казани в краткосрочный отпуск... Мы оба были поражены, мне и теперь жалко преподавателя, лицо которого выразило испуг, а руки поднялись и, неподдерживаемые, тяжело опускались; так навсегда я простился с юношескими творениями, их нет». Много лет спустя загадки этой истории прояснились: к пропаже партитур имел отношение соученик Парамонова по СЧУШ Григорий Лисков (1890—1963), преподававший там с 1915 по 1917 годы. Обнаружилось, в частности, что в тетрадь воспитанницы Марии Орловой (жены Лискова) еще в марте 1915 года, т. е. тогда, когда Тимофей уже не было в школе, была вписана парамоновская обработка песни «Шурă юр пек чёрситти» («Фартук белоснежный»). Тетрадь эта была сдана в архив ЧГИГН. А в 1948—1950 гг. была предана огласке попытка Лискова издать присвоенные им записи⁵ не только Парамонова, но и других репрессированных и погибших на фронте собирателей фольклора. В результате этого Лисков был лишен почетного звания «заслуженный деятель искусств Чувашской АССР» и исключен из членов Союза композиторов СССР. Сопоставляя эти и другие обстоятельства, Тимофей Парамонович получил моральное право уверенно утверждать: «Лет тридцать семь тому назад Лисков, / тогда заведующий секцией искусств / в Чувашском Н.-И. институте, / моих три сотни песен новых принял, / а старые, гармонизированные, / лежали у него, оказывается, — на чердаке! / ... / Теперь стал прозревать я, / зачем держал он их в глубокой

тайне... / Да он себе был на уме: / ждал смерти однокашника-романтика во время войн...». Утерянные, затем в 1960-е годы восстановленные им партитуры были вновь «открыты» еще через два десятилетия и по достоинству оценены современными музыкантами. Некоторые исполнены и записаны в фонды Чувашского радио, на грампластинку «У истоков чувашской музыки» (фирма «Мелодия», 1989 г.), изданы.

Продолжим, однако, жизнеописание Т. П. Парамонова. 1 сентября 1921 г. он назначается заведующим Латышевской школы I ступени. Но уже 1 октября его командируют для эвакуации детей из голодающей Чувашии в Москву. В столице он проработал до октября 1922 г., записав 35 народных песен от эвакуированных детей. Будучи еще в Москве, в августе 1922 г. учитель Парамонов получил направление от областного отдела для поступления в Московскую консерваторию. Чрезвычайно ответственный и добросовестный человек, озабоченный работой с детьми, он посчитал, что учиться для него пока время не пришло. С 1 октября 1922 г. в течение шести лет Парамонов работал в Канашском педтехникуме: преподавал игру на скрипке, пение, русский язык и литературу в школах, вел занятия им же организованного оркестра. Записал в это время несколько десятков песен, в том числе около тридцати — от учащихся педтехникума. Учитель с гуманитарным кругозором Тимофей Парамонов одновременно вел активную общественную работу в родной деревне, убеждая односельчан в необходимости организации товарищества по совместной обработке земли, и помогал им в практической работе, например, выезжал в Казань для приобретения сортовых семян и т. п.

К этому времени рукописное собрание Парамонова насчитывало 428 чувашских народных песен, с которыми он и познакомил самых авторитетных музыкантов Чувашии Степана Максимова и Федора Павлова. В 1926 году у него попросил для ознакомления

сборник и руководитель Чувашского государственного хора Василий Воробьев. «Через несколько дней он вернул сборник с благодарностью, но не указал какие песни списал, а указал цифру 8 с внутренней стороны обложки, — пишет Тимофей Парамонович. — Лет 30 я ждал, слушая исполнения песен, записанных мною и гармонизированных Воробьевым — отцом и сыном, но, к сожалению, не дождался упоминания моего имени. Воробьев сумел выбрать простые, но красивые песни, заменил куплеты и они прозвучали от Берлина до Владивостока». В числе фольклорных мелодий, переписанных и использованных в творчестве В. П. Воробьева, такие шедевры как «Кай, кай Хусана» («Поезжай, езжай в Казань» у Воробьева — «Кай, кай Ивана» / «Выйди, выйди за Ивана» на стихи Никифора Васянки), «Върман урлă қасрăмър», «Килмен те курман Шупашкарне» (также с новым текстом Васянки), «Юратсах паян ёслерём». Позже, составляя сборник для детей, В. П. Воробьев обработал и сочиненные Парамоновым песенки «Кампана» и «Кётүспе ёнесем», указав в книге имя автора мелодий

Понимая необходимость получения высшего образования, в 1930 году Тимофей Парамонович поступает в вуз. Решение учиться, конечно, не было случайным. Не только он, но и его старшие товарищи-музыканты Федор Павлов и Степан Максимов едут учиться в столичные музыкальные вузы. Обремененный же семьей и детьми, Парамонов оставляет мечту о консерватории и становится одним из первых студентов филологического факультета Чувашского государственного педагогического института, только что открывшегося в Чебоксарах. В институте, вспоминает он, находят возможности и для музыкальных занятий: «...руководил хором, хор выступал в Нижнем Новгороде на заводе „Красная Этна“ в радиолaborатории Дома крестьянина в Чебоксарах, в подшефном колхозе. Учился я успешно. Вспоминается, как я мог для иллюстрации интонации речи пользоваться нота-

ми, чтобы яснее была логика мыслей. Этим я удивил преподавателя Неболюбова». По окончании вуза Парамонов заведовал опытно-показательной школой при Канашском педтехникуме, преподавал русский язык и литературу, продолжая записывать народные песни. В школе организовал хор, который успешно участвовал в 1935—1936 годах в олимпиадах детской самодеятельности Московско-Казанской железной дороги в Казани. Не раз занимал призовые места, премировался.

В 1938 году в его биографии происходит очередной «сбой», имевший самые трагичные последствия. В пору сталинского «Большого террора» его некому поддержать: самый авторитетный музыкант Степан Максимов, недолго проработавший по окончании консерватории, несправедливо обвиненный, уже находится в заключении по 58 статье УК, нет в живых высоко ценившего его Федора Павлова. Интеллигентный, скромный, талантливый и успешный учитель Парамонов становится объектом доносов провинциальных завистников. Они указывают на «подозрительность» его прошлого: как-никак был царским офицером. Недруги стали постоянно придирааться к тому, что ему поручают доклады по русскому языку на учительских конференциях, избирают в президиум учительских собраний и т. п. Об этом периоде, проявляя присущую его личности сдержанность, приумноженную жизненными невзгодами, Парамонов почти ничего не пишет. Однако в последние годы жизни он многое доверил младшему коллеге директору сельской школы и организатору районного краеведческого музея Валентину Федоровичу Демидову, уже после кончины Парамонова опубликовавшему (совместно с историком А. В. Изоркиным) статьи о судьбе своего земляка. Из них можно почерпнуть некоторые подробности устных рассказов Тимофея Парамоновича: «...арестовали 29 мая 1938 года. При этом постановление о мерах пресечения и предварительное обвинение не были предъявлены. Тогда же, в

мае, на Канашском вагоноремонтном заводе было арестовано более 15 инженеров и техников. Следователь Мальгин попытался было связать меня с ними, но они меня совершенно не знали. Начальник 3-го отделения дорожно-транспортного отдела НКВД Салмин при участии Мальгина и Волонина составил два протокола допроса, в которых я стал „вредителем“, „эсером“, „националистом“, а в одном даже „монархистом“. Их кулаки и мраморный пресс-папье (меня избивали) сделали свое дело». 25 августа 1938 года подследственный подписал обвинительный протокол, 9 сентября 1939 г. — осужден на десятилетнее заключение. Отбывал срок сначала в Алатырском ИТЛ, затем в Казахстане. Освобожденный из заключения, он бессрочно сослан в Казахстан, где обосновался в Смирновском районе Северо-Казахстанской области, работал учителем русского языка, потом заведующим методическим кабинетом районного отдела народного образования. В 1957 году был реабилитирован и получил разрешение покинуть место ссылки.

По возвращении из Казахстана Тимофей Парамонов, уже пенсионер, живет с семьей в родной деревне, а в 1970—1980-х годах ввиду ветхости отцовского дома живет у детей в г. Канаше. Он переписывается с ветеранами-одноклассниками по СЧУШ, восстанавливает свои партитуры, пишет воспоминания. Эти материалы, ценные существенными подробностями и достоверностью многих фактов, становятся важными источниками для музыковедов, изучающих раннюю историю становления национального профессионального музыкального искусства Чувашии. Начинают звучать и произведения самого Тимофея Парамоновича. Публично об их авторе вспоминают в связи с девяностолетием: 12 июня 1985 г. Т. П. Парамонов награждается Почетной грамотой обкома КПСС и Совета Министров Чувашской АССР. В газетах публикуются статьи о нем. Уделяет ему внимание даже главная газета страны «Правда»: «Мно-

гие песни, записанные Парамоновым, получили широкую популярность... Их исполняют по радио, по телевидению. Ряд мелодий стал своеобразным лейтмотивом <так в тексте — М.К.> для симфонических произведений, созданных видными чувашскими композиторами»⁶.

Но попыток издать сборник фольклорных материалов он не предпринимает, понимая всю сложность и трудоемкость этой задачи, теперь уже совершенно непосильной для него. Вместе с тем желание осуществить эту мечту сквозит в его воспоминаниях, прямо высказывается в завершающем абзаце рукописи, публикуемой в Приложении.

Умер Тимофей Парамонович Парамонов 15 мая 1988 г., похоронен в д. Латышево.

В 2005 году в дирекцию Чувашского государственного института гуманитарных наук обратился Анатолий Васильевич Игнатев — родственник (племянник жены) Т. П. Парамонова с вопросом о возможности издания сохранившихся музыкально-фольклорных записей дяди, и даже предложил частично помочь с его финансированием. Было принято решение включить подготовку сборника в перспективный план научных изданий. В настоящее время работа над рукописью книги чувашских народных песен в записях Т. П. Парамонова завершена.

Перипетии долгой жизни (93 года!) Тимофея Парамонова и судьбы его рукописи кажутся буквальной иллюстрацией к строкам известной чувашской народной песни, записанной и прочувствованной им в юности (см. № 136). Причем почти буквально, а не только метафизическим смыслом, спрессованным в метафорической форме:

Шăнкăрах та шăнкăр ай шыв юхать
хумăшпала хăйях та хушшинчен, хушшинчен;
ёмёрсемех иртсе най килеççе
хуйхăпала суйăх та хушшинчен, хушшинчен.

Журча да журча, ай, река течет
между камышами с осокой, между;
годы жизни же протекая, най, проходят
между горестями с печалью да, между.

Вопреки всему пережитому деяния Т. П. Парамонова стали частью современной культуры. Остается лишь повторить вслед за Федором Павловым, что его музыкально-фольклорные материалы и сегодня представляют, безусловно, огромный интерес для этнографа, фольклориста, музыканта. Сборник песен в его записях должен восполнить существенный пробел в истории национальной культуры, обогатить культуру современности ценнейшими шедеврами народного творчества, собранными еще в досоветскую и раннесоветскую пору.

Представляется не менее важным также нравственный аспект: издание даст возможность потомкам понять и воздать должное делам и таланту самоотверженного труженика, преданно служившего своему Отечеству — как большой России, так и столь любимой им малой родины, Чувашии.

Примечания

1. Павлов Ф. Чуваши и их песенное и музыкальное творчество: Музыкально-этнографические очерки. Чебоксары, 1926. С. 51, 53.
Высказывания Ф. П. Павлова реально относятся более раннему времени, поскольку текст данного очерка был завершен в 1923 году. См.: Павлов Ф. Собрание сочинений в 2 т. Чебоксары, 1971. Т. 2. С. 303.
2. Чăваш искусствĕ // Чăвашла календарь. 1928 ç. Шупашкар. 55 С.

3. *Люблин И.* Советская музыка Чувашии // Советская Чувашия: Национально-культурное строительство. М., 1933. С. 246.

4. *Парамонов Т.* К истории чувашской музыки: открытое письмо к А. И. Токсистой // НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 169, № 446. Л. 7.

Специфический ритм текста «Письма» обусловлен тем, что оно изложено нерифмованными ямбическими стихами. (Далее ссылка на эту рукопись: 446).

5. См.: «Чувашские народные песни, исключенные из „Сборника чувашских народных песен“, сост. Г. Г. Лисковым». НА ЧГИГН. VI отд. Ед. хр. 48.

О действиях Г. Г. Лискова см. также в кн.: *Кондратьев М.* Степан Максимов: Музыкант-просветитель. Чебоксары, 2010. С. 261—262, 277—278.

6. *Князев Ю.* Собрал 500 песен // Правда. 1985. 20 июня.